

Лю Гуюй и Цинь Жунши с раннего утра вышли из дома, одолжили у Линь Синь-нян ослиную повозку и отправились в город, чтобы записаться в академию Лумин. Был двенадцатый день первого месяца, погода всё ещё хранила холод. Накануне ночью снова слегка припорошило снегом, и утром соломенные карнизы домов покрывал белый слой, а когда солнце пригрело, с них закапала вода.

Они сидели в ослиной повозке. Цинь Жунши правил ослом и ехал в Фушуй. С одной стороны тянулся горный склон, с другой - река Лодай. Стайка диких уток, сбившись вместе, направилась к реке, совсем не боясь холода, и вскоре прочертила по воде длинную серо-белую рябь.

Они уже полмесяца не были в городе; Новый год только прошёл, и городок всё ещё был очень оживлённым. Фонари с иероглифом «счастье», висевшие на городских воротах, ещё не сняли. Дежурившие у ворот молодые стражники были в чёрной одежде, а на поясе у каждого повязана красная лента - тоже в тон праздничному новогоднему виду. Миновав городские ворота, они оставили ослиную повозку в стойле для мулов и лошадей и с вещами пошли к храмовому переулку. Пройдешь через храмовый переулок и попадешь к академии Лумин.

Академия Лумин находилась на самом краю Фушуя, спиной опиралась на половину горы и занимала довольно большую площадь.

— Ого, место неплохое! Недаром одна из лучших академий Цзянчжоу! — восхитился Лю Гуюй.

Они стояли у подножия горы Лумин. Перед глазами тянулась вверх длинная каменная лестница, не меньше сотни ступеней. По обе стороны густо росли сосны и бамбук, зелень перекликалась с зеленью. Стволы старых сосен были словно железные, хвоя - жёсткая; крепкий бамбук стоял густой и пышный, на пятнистой зелёной кожице лежал холодный иней, и под сизым оттенком смутно проступала изумрудная зелень; стебли, узел за узлом, тянулись к облакам.

У подножия лестницы, перед бамбуковой рощей, стоял синий камень высотой в человеческий рост. На нём были вырезаны четыре больших иероглифа - «Академия Лумин». Выше Фушуя находился уезд Ло, а выше уезда Ло - Цзянчжоу. В Цзянчжоу было три чрезвычайно известных академии, и среди них академия Лумин располагалась в маленьком городке Фушуй, тогда как две другие находились в областном городе Цзянчжоу - Цзяннин-фу.

Даже Цинь Жунши сказал:

— И правда неплохо.

Голос у него был очень ровным, но, если вслушаться, в нём всё же слышалась скрытая тяга. Лю Гуюй этому не удивился. Среди учащихся Фушуя кто не хотел попасть в академию Лумин?

Они пошли вверх и на полпути увидели, что с горы спускаются двое. И оба лица были

знакомые.

— Эй! Хозяин Лю!

Старик, шедший впереди, увидев Лю Гуюя, сразу просиял глазами и прямо направился к нему.

— Хозяин Лю, когда начнёте выставлять лоток? Уже почти Праздник Фонарей! На Празднике Фонарей людей будет много! Такой доход вы что, не хотите заработать?!

Говоривший старый господин был одет в серую льняную одежду; седоватые волосы он заколот деревянной шпилькой. Одевался он просто, но опрятно. В прошлый раз, когда Чжоу Цяочжи устроила скандал у лотка, назвала Лю Гуюя несчастливым и губящим мужа, Лю Гуюй ответил ей целой речью. Тогда этот старый господин тоже был там, и Лю Гуюй ещё предположил, что он, возможно, наставник из академии Лумин. Сегодня, увидев его здесь, Лю Гуюй только убедился в своей догадке.

Он был наставником, но в то же время и покупателем. После того случая этот старый господин часто приходил поддержать его торговлю!

Лю Гуюй поспешно сказал:

— Вот уж и правда совпадение, встретить вас здесь! После Нового года дома слишком много дел, боюсь, лоток смогу выставить только после пятнадцатого числа.

Кто бы мог подумать, что, услышав это, старый господин подождёт губы, покачает головой и скажет:

— Не совпадение, не совпадение. Завтра этот старик отправляется в дальнюю дорогу. Если ты начнёшь торговать только после пятнадцатого, моему рту не судьба будет отведать твоей еды! Теперь долго буду тосковать по вкусу!

Он говорил с таким сожалением, что юноша Цзисян, стоявший рядом, нахмурил лицо и недовольно пробормотал:

— Учитель, вы лучше не вспоминайте! Каждый раз, пока меня нет, вы едите без меры. Врач ведь уже говорил...

Он ещё не договорил, а старый господин уже свирепо на него уставился и сердито сказал:

— Цзисян, ты в таком юном возрасте уже начал читать сутры! Знал бы раньше, не надо было учить тебя грамоте, следовало отправить в маленькие послушники! Волосы тебе все сбрить!

Цзисян поджал губы, а потом тайком свирепо посмотрел в ответ.

Лю Гуюй, глядя, как старый и малый препираются, не удержался, и уголки губ у него изогнулись, но прежде чем старый господин посмотрел на него, он снова подавил улыбку. Старый господин опять вернул себе невозмутимый вид, посмотрел сначала на Лю Гуюя, потом на Цинь Жунши и быстро понял кое-что.

Он спросил:

— Пришли учиться?

Лю Гуюй кивнул. Цинь Жунши тоже сложил руки и ответил:

— Именно так.

Старый господин погладил бороду, затем посмотрел на Цинь Жунши и мягко спросил:

— Какие книги уже читал?

Цинь Жунши скромно и почтительно ответил:

— Ученик не слишком одарён, но «Четверокнижие» и «Пятикнижие» уже прочёл полностью. В последнее время читаю «Собрание комментариев к Чжанцзину» и «Дискуссию о соли и железе».

Брови старого господина слегка приподнялись, в голосе послышалось удивление:

— «Дискуссию о соли и железе»? Ту самую «Дискуссию о соли и железе», составленную в прежнюю династию?

— Именно, — ответил Цинь Жунши.

Старый господин с сомнением спросил:

— Ты в таком малом возрасте можешь её понять?

Уже разговорились?

Лю Гуюй растерянно стоял рядом и чувствовал, что это развитие событий немного странное. Он не очень понимал, как они вдруг ни с того ни с сего начали беседовать.

Что там за «чжаны», «цзины» и «луни», Лю Гуюй не понимал, поэтому просто закрыл рот и стоял рядом, ожидая, когда Цинь Жунши блеснёт чем-нибудь большим.

Кто бы мог подумать, что Цинь Жунши вовсе не станет изображать знатока, а искренне покачает головой и скажет:

— Эта книга тёмная и трудная для понимания. Ученик понимает её лишь отчасти.

Старый господин не удивился и, кивая, сказал:

— Расскажи.

Цинь Жунши слегка склонил голову:

— В ней, ссылаясь на слова мудреца: «Если народ имеет достаток, как может государь не иметь достатка», утверждают, что государственная монополия на соль и железо - это соперничество с народом за выгоду. Но ученик не понимает: если соль и железо перейдут к местным богачам и знатым родам, каким образом это принесёт выгоду народу? Разве это не благовидные речи, прикрывающие иное?

Старый господин слегка улыбнулся и продолжил спрашивать:

— А как, по-твоему, должно быть?

Цинь Жунши ответил:

— Если земледелец не выходит трудиться, не хватает пищи; если ремесленник не выходит работать, не хватает дел; если торговец не выходит торговать, исчезают три сокровища; если управляющий лесами и горами не выходит, богатство скудеет. Земледелие, ремесло и торговля - три сокровища, и всё это основы. Ученик полагает...

...

Лю Гуюй не понимал. Он слушал так, что его уже клонило в сон, лениво прислонился к бамбуку и смотрел, как эти двое беседуют. Они говорили довольно долго, и лицо старого господина выглядело очень довольным; на Цинь Жунши он смотрел, похоже, с большим одобрением.

Наконец старый господин указал на Цзисяна и сказал:

— Цзисян, проводи их внутрь. Там дороги запутанные, они впервые пришли и, боюсь, не

найдут.

Цзисян рядом слушал очень внимательно и пришёл в себя только тогда, когда учитель поручил ему дело. Но действовать сразу не стал: сначала поджал губы, взглянул на старого господина и тихо пробормотал:

— То... тогда я пойду, но вам нельзя тайком идти на Восточный рынок покупать закуски и еду!

Старый господин сделал строгое лицо:

— Много болтаешь!

Сказав это, он снова посмотрел на Цинь Жунши и произнёс:

— Иди.

После этого он взмахнул рукавами, повернулся и продолжил спускаться с горы.

Лю Гуюй:

— ???

Что это за ситуация?

Лю Гуюй недоумевал, но спрашивать не стал. Как деревянный болванчик, он вместе с Цинь Жунши последовал за Цзисяном в академию Лумин.

Академия Лумин и правда была большой. Дома из серого кирпича с тёмной черепицей скрывались среди зелени; слева раскинулась роща красных слив, под деревьями стояли каменные столы и скамьи, а на каменных столешницах были вырезаны пересекающиеся глубокие линии - доски для игры в го. Под ногами тянулась дорожка шириной в три чи, выложенная синими каменными плитами, и весь путь был усыпан красными лепестками мэйхуа.

Цзисян был болтуном и всю дорогу говорил без умолку.

— В академии Лумин три декана: они ведают соответственно Мэньюань, Саньсуньюань и Миндэюань. В Мэньюань учатся маленькие дети, только начинающие грамоту. Они ещё малы, поэтому отделены стеной от двух других дворов. Саньсуньюань назван так из-за трёх старых сосен во дворе, там учат туншэнов. А в Миндэюань учатся те, у кого уже есть степень сюця и выше; даже несколько цзюйжэней читают книги в академии. Сколько тебе лет? Экзамен уже

сдавал? Ай, тебе ещё нет четырнадцати, а ты уже туншэн? Тогда нужно вести тебя в Саньсуньюань! Декана Саньсуньюаня зовут Линь, с ним легко говорить.

— Сегодня двенадцатое число, занятия начнутся только после Праздника Фонарей, поэтому в академии почти никого нет. Но деканы и наставники в большинстве уже прибыли.

...

Он шёл и говорил всю дорогу, рот у него ни на миг не закрывался, и только когда они наконец дошли до одного двора с постройками, голос Цзисяна смолк.

Цзисян замолчал, зато в том дворе звуки были ещё громче.

— Декан Линь, посмотрите, какие подарки мы вам принесли. Всё домашнее: вяленое мясо, ещё курица и утка, ничего дорогого. Вы посмотрите, посмотрите... А насчёт поступления моего сына?

Говорила женщина, и голос звучал немного знакомо. Лю Гуюй и Цинь Жунши переглянулись и оба поняли, кто был внутри.

Цзисян тоже не ожидал, что в комнате начальника Линя окажутся люди, и неловко остановился на месте.

— Подождите немного, вы двое, я...

Цзисян только открыл рот, но вскоре его заглушил ещё более резкий голос. Это снова был голос той женщины. Кажется, она хлопнула кого-то ладонью и крикнула:

— Цюшэн! Скорее прочитай декану... то самое... да, прочитай «Тысячесловие»!

Вскоре изнутри снова донёлся запинаящийся голос мальчика, читавшего наизусть.

— Не... небо и земля тёмно-жёлтые, вселенная первозданно-дикая... Солнце и луна... солнце и луна полнятся и клонятся, звёзды и созвездия выстроены... Холод... холод...

Внутри он, спотыкаясь и запинаясь, с трудом дочитал «Тысячесловие» до конца. Голос, читавший текст, становился всё тише, всё тише, и под конец его почти уже не было слышно.

Но сразу вслед за этим снова раздался звонкий хлопок ладонью, а потом резкий окрик женщины:

— Громче!

Лю Гуюй:

— ...

Вскоре дверь открылась.

Открыл её слуга и сделал жест «прошу», явно выпроваживая гостей. А мужчина средних лет, который, по всему виду, и был деканом Линем, сидел за письменным столом на стуле, тёр лоб и выглядел измученным.

Как и ожидалось, Лю Гуюй увидел в комнате две знакомые фигуры. Это была Чжоу Цяочжи; она тянула сына за собой и упрямо не желала уходить. Начальник Линь как раз мучился от раздражения. Подняв голову и увидев Цзисяна, он поспешно спросил:

— Цзисян? Ты почему пришёл?

Цзисян скользнул взглядом по Чжоу Цяочжи с сыном и быстро отвёл глаза. Затем сложил руки перед деканом Линем в приветствии и ответил:

— Учитель велел мне привести людей. Этот ребёнок тоже пришёл учиться, прошу начальника Линя взглянуть.

Тот самый лично велел привести?

Декан Линь тут же стал серьёзен и поспешно махнул рукой:

— Идите, идите сюда, входите.

Лю Гуюй стоял на месте и не двигался, только бросил Цинь Жунши взгляд, давая понять, чтобы тот спокойно входил. Цинь Жунши кивнул, шагнул в комнату и чинно поклонился декану Линю. Взгляд его был прямым, в сторону Чжоу Цяочжи с сыном он совершенно не смотрел.

Чжоу Цяочжи, увидев Лю Гуюя и Цинь Жунши, тоже вздрогнула от неожиданности, а когда услышала, что Цинь Жунши тоже пришёл учиться, выражение её лица стало свирепым, и она с криком устроила скандал:

— Я первая пришла! Декан, я ведь первая пришла!

Стоило ей закричать, как у декан Линя снова заболела голова. Он потёр виски и, сдерживая терпение, сказал:

— Госпожа, я уже очень ясно сказал: ваш ребёнок не подходит нашей академии. Даже если он с трудом поступит, боюсь, он не сможет успевать за наставниками. Есть триста шестьдесят ремёсел, и в каждом можно стать лучшим, зачем так упираться именно в это? Я только что уже проверил его. В стихах и книгах у этого ребёнка есть некоторые слабости, зато к числам он очень чувствителен. Если специально учить его счёту, возможно, у него будет неплохой путь. Если говорить проще, стать бухгалтером в магазине он тоже сможет.

Чжоу Цяочжи вытаращила глаза, упрямо вытянула шею и тут же возразила:

— Все занятия низки, лишь учёба высока! Разве быть бухгалтером сравнится с тем, чтобы стать чиновником и прославить предков! Всё равно надо учиться, сдать на сюцяя, сдать на цзюйжэня!

Декан Линь:

— ...

Ему уже нечего было сказать. На лице у него проступило нетерпение, просто хорошее воспитание не позволяло ему резко говорить с женщиной и ребёнком. Он сказал «в стихах и книгах есть некоторые слабости», но разве это правда были всего лишь «некоторые слабости»? Ребёнку уже двенадцать лет, а он всё ещё зубрил «Троесловие» и «Тысячесловие»; в их Мэньюане ученики семи-восьми лет уже умели их читать наизусть!

Впрочем, одну вещь декан Линь сказал не зря: этот ребёнок действительно лучше разобрался в счёте. Он уже посоветовал, но взрослые добрых слов не слушали, и тут он ничего не мог поделать.

Ай. У него нрав был мягкий, но слуга, державшийся у двери, мягким нравом не отличался. Он терпел и терпел, а потом закатил глаза к небу и нетерпеливо сказал:

— Да сколько можно! Каждый год приходите! В прошлом году уже сказали, что не берём, в этом снова пришли! Даже если приходите, вам надо идти в Мэньюань! Он ещё даже туншэном не стал, чего вы устраиваете шум в Саньсуньюане! Красивых слов вы не понимаете, тогда скажу прямо! Ваш ребёнок не создан для учёбы! Поняли? Он просто не создан для учёбы! Хватит уже человека задерживать!

— Вы правда думаете, что каждый может стать чиновником? Чиновник - это что, большая редька, которую вы на поле посадили: захотели - и выросла?! Скорее уходите! Уходите или нет? Уходите или нет! Не уйдёте - это мясо и яйца я отнесу на кухню, сегодня же и потушим! Потом не говорите, что мы позарились на ваши вещи, это вы сами их не забрали!

Чжоу Цяочжи, увидев, что Цинь Жунши появился здесь, и без того злилась, а теперь, раззадоренная этим слугой, совсем вспыхнула от ярости. Но здесь была не деревня и не то место, где она могла кататься по земле и устраивать скандал. В конце концов Чжоу Цяочжи только свирепо взглянула на слугу, потом резко схватила Тянь Цюшэна и, потянув за руку, поспешно ушла.

А слуга тоже не желал уступать. Он тут же свирепо уставился в ответ и ещё сказал:

— Хэ! Ещё смеешь на меня пялиться! У тебя глаза больше моих, что ли?

Декан Линь:

— ...Ладно, Утун, ты сначала выйди.

Слуга по имени Утун поджал губы, криво поклонился декану Линю, потом вышел и за собой прикрыл дверь.

Цзисян, доведя их до места, тоже сказал Лю Гуюю:

— Хозяин Лю, я провожу вас только до сюда... Я правда не могу спокойно оставить своего учителя, так что сначала откланяюсь.

Лю Гуюй кивнул ему и поспешно сказал:

— Побеспокоили вас, скорее идите по своим делам.

Цзисян ушёл, слуга Утун тоже удалился, и перед дверью остался только Лю Гуюй. Он прислонился к старой сосне и ждал так долго, что от скуки уже начал считать сосновые иглы на дереве. Когда он досчитал до ста семидесяти с лишним, дверь наконец открылась. Декан Линь лично проводил Цинь Жунши наружу, в конце ещё похлопал его по плечу и довольно улыбнулся:

— Прекрасно, прекрасно! На этот раз сначала возвращайся домой, а после пятнадцатого числа можешь приходить в академию учиться!

Цинь Жунши поклонился ему на прощание и только после этого вместе с Лю Гуюем покинул этот двор.

Лю Гуюй спросил:

— Ну как?

Цинь Жунши не ответил, только протянул ему маленькую деревянную табличку с именем. Это была табличка толщиной в палец и размером с ладонь; на обратной стороне были вырезаны три сосны, а на лицевой написано имя Цинь Жунши.

Лю Гуюй радостно сказал:

— Ого! Даже ученический знак выдали!

Он взял из рук Цинь Жунши деревянную табличку и стал рассматривать её, переворачивая туда-сюда; чем больше смотрел, тем больше она ему нравилась. Проведя пальцами по только что высохшим чернилам, он с улыбкой произнёс:

— Цинь... Жун... ши... Ай-я-я, имя у нашего эрлана и правда красивое! И звучит хорошо, и выглядит красиво!

...Цинь Жунши.

Цинь Жунши впервые слышал, как Лю Гуюй произносит его полное имя, и почувствовал, будто половина тела у него онемела, словно по нему пробежал тонкий слабый электрический ток. В голове у него стало пусто, он ничего не мог вспомнить; в ушах остался только голос Лю Гуюя.

Лю Гуюй ничего не заметил. Он всё ещё думал о том, что произошло на длинной лестнице, и не удержался от вопроса:

— Тот старый господин, которого мы встретили раньше... ты ведь знаешь, кто он? Ещё и так долго с ним разговаривал.

Цинь Жунши рассеянно переспросил:

— Что?

Лю Гуюй взглянул на него и повторил вопрос ещё раз. Только тогда Цинь Жунши пришёл в себя и серьёзно ответил:

— Тот старый господин, скорее всего, шаньчжан академии Лумин.

Глаза Лю Гуюя округлились, он потрясённо сказал:

— Шаньчжан?!

Тот старый господин был одет так просто, а оказался шаньчжаном?

Цинь Жунши кивнул и добавил:

— В это время в академии Лумин могут находиться только наставники самой академии. Но он сказал, что собирается в дальнюю дорогу. Академия скоро начнёт занятия, если бы он был обычным наставником, как мог бы уехать именно сейчас? Зато я слышал, что шаньчжан Люй любит странствовать ради учёбы.

Лю Гуюй моргнул и снова спросил:

— ...И дальше?

Цинь Жунши продолжил:

— Ещё я слышал, что шаньчжан Люй прежде служил столичным чиновником. Из-за «Закона о соли и железе» его политические взгляды разошлись с мнением придворных чиновников, и в конце концов он оставил службу, удалился от дел, вернулся на родину и занялся обучением.

Лю Гуюй сказал:

— ...Ладно, ты хорош.

...Все эти изгибы и повороты мысли заставили Лю Гуюя внутренне пробормотать что-то невнятное, и больше он спрашивать не стал.

Они спустились с горы и неожиданно снова увидели у подножия Чжоу Цяочжи и Тянь Цюшэна. Чжоу Цяочжи как раз отчитывала сына: с силой тыкала пальцем ему в голову, ещё и щипала за руку, снова и снова, словно ненавидя железо за то, что оно не стало сталью*, причитала:

— Ты скажи! Ну скажи! Зачем ты вообще нужен! Стих прочитать - и то спотыкаешься! Куда делись все те книги, что ты прочитал! Чтобы собрать деньги тебе на учёбу, твой отец даже на Новый год домой не вернулся, всё ещё снаружи товар продаёт! Твоя сестра в прошлый раз сказала, что хочет новую одежду, я ещё ругала её, что она неразумная! Вся семья живёт впритык, и разве не всё это ради тебя! Перед кем ты чист? Сам скажи, перед кем ты чист! Тот мальчишка из семьи Цинь тоже пришёл! Он столько времени не учился; если ты даже с ним сравниться не сможешь, посмотрим, сможешь ли ты голову поднять!

(ПП: разочарование, что кто-то не оправдал надежд)

...

Тянь Цюшэн всё это время молчал, только низко опустил голову. С каждой фразой Чжоу Цяочжи он опускал её ещё ниже, почти уткнувшись в грудь; плечи его тоже поникли. Если

присмотреться, можно было заметить, что он едва заметно дрожит, будто плачет, но даже поднять руку и вытереть слёзы не смел.

Увидев, что Лю Гуюй и Цинь Жунши спускаются, Чжоу Цяочжи наконец перестала ругать сына и злобно сверкнула глазами на Цинь Жунши. Лицо Цинь Жунши было спокойным, радости на нём не видно, и она решила, что этих двоих тоже выгнали из академии, совершенно не заметив улыбки, расплывшейся на лице Лю Гуюя.

Чжоу Цяочжи упёрла руки в бока и холодно фыркнула:

— О? Вас выгнали? Ха, правда думали, что кто угодно может войти в академию Лумин?

Лю Гуюй изначально не собирался обращать на неё внимания, но раз Чжоу Цяочжи первой заговорила с вызовом, терпеть он тоже не собирался.

Лю Гуюй тут же потряс деревянной табличкой в руке, широко вытаращил глаза, ладонью нарочито прикрыл губы и изобразил потрясение.

— Ай? Скорее посмотрите, что это такое? Небеса, неужели это табличка поступившего в академию Лумин? Смотрите, смотрите, кажется, на ней ещё и имя написано! Вау! Да это же имя нашего эрлана! Небеса! Наш эрлан, оказывается, будет учиться в академии Лумин! Неужели это правда?!

Он удивлённо восклицал, а выражение лица было до крайности преувеличенным: брови взлетели вверх, глаза распахнулись круглыми, рот тоже широко открылся. Никакой актёрской игры - одно лишь счастье от желания довести человека до смерти от злости.

Чжоу Цяочжи:

— ...

Стоило Лю Гуюю раскрыть рот и затараторить без конца, как у Чжоу Цяочжи перед глазами раз за разом темнело, и она едва не лишилась чувств. Она ещё хотела что-то сказать, но Тянь Цюшэн рядом вдруг изо всех сил вырвал у неё руку и, развернувшись, побежал.

— Цюшэн! Цюшэн! Ах ты проклятый ребёнок, куда ты побежал! Да я восемь жизней кровавым несчастьем платила, раз родила такую бесполезную вещь, как ты!

Чжоу Цяочжи уже не могла продолжать ссориться с Лю Гуюем. Она свирепо глянула на него, повернулась и бросилась вдогонку.

Увидев, как Тянь Цюшэн, до этого стоявший будто гриб, убежал, Лю Гуюй внезапно тоже

потерял охоту дразнить людей. Он поджал губы и положил деревянную табличку обратно в сумку Цинь Жунши.

Цинь Жунши ничего не сказал, только с улыбкой в глазах смотрел, как тот копается в его сумке.

Лю Гуюй поджал губы и в конце концов всё же со вздохом сказал:

— На самом деле декан Линь сказал правду. Жаль, она не слушает... Она ещё говорит, что ей не повезло. А по-моему, это мальчишке не повезло родиться её сыном!

Тянь Цюшэн был немного жалок, но Цинь Жунши к посторонним всегда относился равнодушно. Он холодно бросил взгляд в сторону, куда ушли Чжоу Цяочжи с сыном, а потом снова посмотрел на Лю Гуюя.

С улыбкой он сказал:

— Брат Лю, пойдём домой. Мама сказала, что сегодня приготовит куриный суп в горшке. Ты ведь уже давно о нём мечтал?

Стоило услышать о еде, как глаза Лю Гуюя сразу засветились. О Тянь Цюшэне он больше не думал, схватил Цинь Жунши за руку и побежал вперёд.

— Пошли, пошли, пошли! Скорее вернёмся!

<http://bllate.org/book/17177/1709526>